

Президент России Владимир Путин высказал решимость срочно проводить реформу Российской академии наук. Шансов на то, что к академикам, которые просили дать им хотя бы время на обсуждение спорного законопроекта, прислушается Госдума, совсем немного. Между тем научное сообщество по-прежнему стоит на своем: предложенный документ нельзя ни в коем случае принимать без внесения поправок. Сегодня «МК» попросил оценить сложившуюся ситуацию экс-вице-президента РАН, баллотировавшегося на пост президента академии, Александра НЕКИПЕЛОВА.

— Александр Дмитриевич, сегодняшний повод для разговора не настраивает на оптимистическую волну: накануне, 3 июля, Госдума приняла в первом чтении проект закона о реформе РАН. В свое время вы тоже высказывались о необходимости проведения реформы и приводили веские аргументы с точки зрения экономиста. Вы нашли хотя бы какие-то точки соприкосновения с предлагаемой реформой?

— В моем понимании законопроект, который рассматривает Дума, не является проектом закона о реформе РАН. Если говорить правильно — это реструктуризация всей системы управления фундаментальной науки. Российская академия наук, созданная Петром I, упраздняется и вместо нее создается новая академия. Поэтому сравнивать ее с тем, что предлагал я в предвыборной программе, нельзя. Другой вопрос — к чему все это приведет? Буду говорить исключительно от себя, хотя и все мои коллеги из академии придерживаются такой точки зрения: реализация того, что там (в проекте закона) написано, будет иметь крайне тяжелые последствия для страны. Превращение РАН в клуб ученых, отделение от этого клуба институтов делает абсолютно невозможным исполнение членами этого клуба экспертных функций. Функцию экспертизы осуществляют ведь не отдельные академики или члены-корреспонденты, а целые коллективы ученых, основная работа ведется в институтах. Представить себе, что экспертная деятельность в результате такой реформы усилится, невозможно.

К крайне тяжелым последствиям приведет или может привести передача функции управления институтами особому Агентству по управлению институтами РАН. Независимо от того, возглавит его президент РАН Владимир Фортов или нет.

— Почему?

— У академии и агентства будут разные взгляды на то, что нужно исследовать, а что не нужно. Особое опасение вызывает и то, что министерство сформулирует критерии, по которым оно проведет сортировку институтов. Часть из них ликвидируют, какую-то часть распределят по отраслям. Эта деятельность тоже не может не привести к тяжелым последствиям для науки в стране.

У нас и без того количество ученых сократилось в два раза за последние 20 лет. Но мы пока еще в состоянии вести комплексные фундаментальные исследования. Дальнейшее же сокращение приведет к краху науки. Даже если отберут несколько десятков институтов, они, вероятно, смогут выйти на достойный уровень по индексу цитирования в научных журналах, но задачи, стоящие перед страной, не выполнят.

— Многие ученые сетовали на плохое качество исполнения проекта закона...

— Текст этого закона действительно написан очень непрофессионально. Старая академия ликвидируется, а создается новая. Что это означает? А то, что нарушается право правопреемственности, происходит обрушение значительной части международных научных связей. Академии представляют РФ во многих проектах за рубежом — что станет с этими проектами? Проект писали в крайней спешке...

— А как вы относитесь к тому, что всех членов-корреспондентов росчерком пера сделают академиками и таким образом их станет 2,5 тысячи?

— Планируется, что люди получают звание академиков без выборов, а решением политических органов. Особенно это непонятно на фоне того, что говорится о девальвации звания академика, о том, что сейчас их больше, чем было в СССР. При этом их количество увеличивают в два с лишним раза... Или еще пример — критикуют низкий уровень академиков и в то же время повышают их оклад в два раза. По-моему, все это очень трудно стыкуется друг с другом.

— А в США сколько академиков?

— Не знаю, там вообще по-другому организована наука. Академия наук в США играет важную роль, она распределяет средства, которые получает от государства. Там система такая, что основная часть науки сосредоточена в университетах и крупных государственных лабораториях. Бюджет примерно 40 крупных лабораторий составляет 20 млрд долларов, то есть примерно в 10 раз больше, чем бюджет всей РАН.

— Владимир Путин сказал Владимиру Фортву, что реформировать изнутри неэффективно — извне это сделают лучше.

— Это очень серьезный вопрос. Если встать на эту точку зрения, тогда и реформы в стране надо было бы производить извне, а не изнутри. Конечно, легко провести реформу извне, ты отчужденно относишься к тому, что происходит внутри. Ты не учишься ничьи взгляды, не заботишься ни о ком. В сфере образования мы проломили реформу и

получили общее негативное отношение в стране к ее результатам. Можно так же проломить и реформу в науке и получить такой же результат.

— **Есть какие-то шансы поправить ситуацию?**

— Здесь очень много зависит от позиции президента. По его встречам не только с Владимиром Фортовым, но и с другими представителями науки я понял, что Владимир Путин осознает всю сложность проблемы. Что касается законопроекта, то его нужно радикально исправлять. Уйти от идеи создания новой академии при ликвидации старой. Признать, что институты остаются в академиях, сохраняется система самоуправления научного сообщества, деньги на научные цели расходует само академическое сообщество.

— **В проекте реформы ничего не сказано о механизме развития институтов.**

— Ну почему же: они будут развиваться так, как будет решать Агентство по управлению институтами РАН. Премьер-министр Медведев, обосновывая необходимость проведения этой реформы, сослался на то, что управление РАН осталось с 30—40-х годов прошлого века, и его пора менять. Но, мне кажется, его неправильно информировали. Дело в том, что в 30—40-х годах, да и в течение всего советского периода финансами и имуществом АН СССР распоряжалось управление делами АН СССР. Это управление делами было практически подразделением управления делами Совета министров СССР. Ни президент, ни вице-президент не обладали правом подписывать финансовые документы. Доброе государство спрашивало всегда само: «А не надо ли вам чего?» В начале 90-х годов добрый дядя в лице светского государства, который заботился сам об ученых, исчез. Тогда-то и изменилась система. Так что то, что сейчас происходит, — это возврат к старой системе, а не уход от нее. Это надо знать.

— **В своей предвыборной программе вы как раз предлагали создать холдинг по управлению имуществом РАН. Чем ваша идея отличалась от той, что предлагается сегодня?**

— Да я предлагал создать такой холдинг внутри РАН для управления тем имуществом, которое надо вводить в хозяйственный оборот.

— **Что ждать от академиков, если все пойдет по плохому сценарию и реформу примут без ваших поправок?**

— Мы заявили о своей точке зрения. Что еще? Мне нравится эпитафия к книге Хемингуэя «По ком звонит колокол?». Звучит примерно так: человек — это не остров, а часть континента. Поэтому не посылай никого узнать, по ком звонит колокол, — он звонит по тебе. Нет ничего нелепей думать, что ликвидация РАН — это проблема академиков, сотрудников институтов. Этот колокол звонит по российской науке, а потому и по всем нам.